

Чжао Чэн держал в руках чертежи, не веря собственным глазам.

Он невольно вспомнил плуг, который Чжан Жун одолжил пару дней назад, и принялся мысленно сопоставлять два орудия. Что же у них общего?

В самой основе, лемехе и отвале, всё ещё угадывались знакомые очертания. Но к чему здесь этот внешний деревянный каркас? Зачем он тут? Чтобы катить плуг, словно телегу? И для чего служат эти две дополнительные детали?

Это приспособление разительно отличалось от современных плугов. Навесная конструкция отдалённо напоминала парную упряжь для двух человек и трёх волов, популярную в народе на заре прошлой династии, но не выглядела столь топорно.

Чжао Чэн заворожённо разглядывал схематичный набросок. Любого другого столь лаконичный чертёж вогнал бы в ступор или нагнал бы тоску, но он буквально упивался им.

"Тяга... Потребуется всего один вол. Человек идёт следом, направляя ход. Усилие распределяется по двум точкам..."

Чертежи вышли из-под руки самого Цзян Умяня. Каждая линия, каждая дуга дышали соразмерностью и гармонией — ни одной лишней черты, ни малейшего изъяна.

Не выпуская свиток из рук, он бормотал себе под нос, пытаясь разгадать назначение механизма у самого основания:

"Два колеса... Переднее поменьше, заднее крупнее. Для облегчения хода? Нет, тут кроется что-то ещё..."

Вчитавшись в расчёты, Чжао Чэн поразился: судя по приведённым выкладкам, конструкция нового изогнутого плуга была безупречна. Пусть некоторые узлы и сочленения прежде никто не создавал, сухие цифры упрямо твердили: работать будет!

Чжао Чэн и раньше знал, что уездный судья смыслит в математических науках куда больше остальных. Даже его почтенный наставник как-то признался:

— В искусстве вычислений мне далеко до Хэньяна. С его познаниями он сам мог бы стать моим учителем.

Сам Чжао Чэн постиг эту науку лишь наполовину благодаря урокам Цзян Умяня, наполовину — собственным пытливым умом. Но он и помыслить не мог, что познания его господина достигли столь заоблачных высот, оставив всех простых смертных далеко позади.

Глаза Чжао Чэна лихорадочно блестели.

"В искусстве счёта мне ещё учиться и учиться!"

Знай об этом Цзян Умянь, он лишь снисходительно покачал бы головой. Ведь сам он всего лишь пользовался плодами трудов великих умов будущего. Если же говорить о чистом таланте, то именно Чжао Чэн являлся тем самым редчайшим самородком, рождающимся раз в столетие. Ещё до того, как его обучили черчению, картографии и основам механики, Чжао Чэн исключительно по наитию умудрился смастерить простенький самострел — просто ради того, чтобы разнообразить скудный рацион дичью. Не родись Чжао Чэн в эту эпоху, получи он полноценное образование в будущем — и этот гений, пожалуй, сумел бы собрать ядерную бомбу на коленке.

— А как насчёт остальных деталей? — поинтересовался Цзян Умянь.

Эйфория Чжао Чэна немного улеглась. Он нахмурился, размышляя, и в замешательстве качнул головой.

— Тут всё устроено иначе, нежели в самострелах. Похоже, требуются дополнительные приспособления.

Расчёты на бумаге были выверены до мельчайших долей, и в мыслях уже выстраивался объёмный образ нового плуга. Но назначение некоторых сочленений оставалось загадкой — он просто не понимал, как подступить к их изготовлению. К тому же возникла ещё одна трудность, о которой он поспешил сообщить:

— Форма изгиба самого отвала сильно изменилась. Придётся отливать новую форму.

Цзян Умянь небрежно махнул рукой.

— Твоя задача — разобраться с технической стороной чертежа. Обо всём остальном не беспокойся.

Отливка новых заготовок не пугала судью — рабочих рук хватало. В уезде Шаюань имелись умелые кузнецы, состоявшие на учёте в управе и некогда ковавшие арсенал для местного гарнизона. Если возникнут опасения насчёт утечки чертежей, Чжао Чэн мог заняться ковкой лично, арендовав у кузнецов горн. Остальные детали можно распределить по отдельным мастерам как разрозненные запчасти, добавив к заказу кучу бесполезных безделушек для отвода глаз.

Главная сложность заключалась в ином: некоторые узлы требовали таких технологий, которыми Великая Чжоу попросту ещё не располагала. Придётся слегка упростить конструкцию. Опасаясь, что мастер зайдёт в тупик в попытках разгадать чертежи, Цзян Умянь

подробно растолковал ему назначение каждого сочленения. Теперь Чжао Чэн чётко понимал, в какую сторону двигаться.

С каждым словом господина клубок сомнений в голове Чжао Чэна распутывался. Внутри вспыхнул такой азарт, что ему захотелось сию же минуту взяться за инструменты и вырезать опытный образец. Благо он как раз завершил межевание окрестных деревень и теперь должен был засесть в управе за сведение карт, так что времени на новую задумку у него было предостаточно.

Он уже поднялся, собираясь уйти, но вдруг замер у самого порога. Память вовремя подсказала, что он забыл доложить о другом важном деле.

Повернувшись к судье, Чжао Чэн произнес:

— Господин уездный судья, наши картографы добрались до северо-западных границ уезда. Там обнаружены залежи руды, но по большей части бедной. Стоит ли посылать людей на разработку?

— Бедная руда? — переспросил Цзян Умянь, искренне заинтересовавшись. — Что за месторождения? Выходят ли жилы на поверхность? Металлы или нерудные ископаемые? Железо есть?

На составленных Чжао Чэном картах металлы практически не значились. Все открытые им ранее выработки оказались истощёнными — пустая порода да крупницы низкосортного сырья, ради которых не стоило и марать руки. Бедная руда всё же сулила хоть какую-то выгоду. Пусть концентрация полезных веществ в ней оставляла желать лучшего, а процесс выплавки требовал сложной многоступенчатой переработки, её всё же можно было пустить в дело.

Чжао Чэн отрицательно покачал головой.

— Ближе к поверхности железа не обнаружено, в основном медь. Много нерудных пород — я лично видел известняк и плавиковый шпат. Подробную карту я как раз сейчас заканчиваю сводить.

Цзян Умянь отыскал среди бумаг план застройки.

— С этим пока спешить не будем. Закончи сначала карту. Пусть новоприбывшие беженцы сначала усвоят наши порядки и распределятся по строительным отрядам. Лишь тогда займёмся рудниками.

Чжао Чэн поклонился и покинул кабинет. Цзян Умянь же осушил одну за другой несколько пиал остывшего травяного чая.

На юге царил удушливый зной. Из-за вечной суеты и нерегулярного питания Цзян Умянь не сразу заметил, как его тело начало страдать от жара — в горле першило, а виски неприятно ломило. Припомнив местные народные рецепты, он велел сварить в управе большой чан прохладного целебного отвара. Всем, кто маялся от головной боли или дурноты, предписывалось первым делом выпить чашу снадобья, а если не полегчает — отправляться к уездному лекарю.

Впрочем, толковых врачей в самом Шаоюане почти не осталось — все мало-мальски знающие лекари давно трудились за городскими стенами, осматривая нескончаемый поток беженцев.

Слухи о том, что в уезде набирают людей на общественные работы и исправно платят звонкой монетой, разлетались со скоростью лесного пожара. Обездоленные люди стекались к городу полчищами. Чтобы наплыв голодной толпы не вылился в бунт и штурм городских ворот, генерал Сюэ Вэнь выставил за стенами надёжный заслон.

Советник Чжан Жун ежедневно отправлялся в палаточный лагерь вместе со старшими строителями, растолковывая беженцам местные законы. Постепенно прижилось простое правило: опытные артели брали шефство над новичками. Плату, разумеется, все получали честно — по выработке.

После прохождения двух рубежей проверки эта колоссальная масса людей обретала подобие порядка. Разумеется, никто не требовал от вчерашних бродяг армейской дисциплины — для неграмотных бедолаг это было бы непосильной ношей. Но благодаря умелому сочетанию кнута и пряника они хотя бы научились соблюдать элементарные приличия.

И всё же без стычек не обходилось. Где толпа — там и раздоры: беженцы быстро начали сбиваться в землячества и банды. Любая копеечная обида раздувалась до кровной вражды, грозящей перерасти в поножовщину.

На чистом листе бумаги Цзян Умянь вывел размашистое слово: «Рудники».

"Как только народ приучится к труду, зачинщиков всех недавних драк и смутьянов мы отправим на шахты. Без жалованья, за одну лишь похлёбку. Там быстро спесь сойдёт."

На первых порах на любом новом месте всегда царил хаос. Когда в толпе собирается сброд всех мастей, одних лишь бумажных запретов мало, чтобы удержать подлецов от дурных помыслов. Мелкое воровство, отлынивание от работы, создание сект под шумок, подстрекательства... В прошлой жизни, в кошмаре апокалипсиса, людские пороки раздувались до гротескных масштабов. Там безраздельно правили кровь, насилие и безумие.

Глаза Цзян Умяня сузились, чувства обострились, когда он вызвал в памяти те далёкие дни. Глядя на здешних беженцев, он испытывал странное, почти противоестественное облегчение. Управлять этой толпой было детской забавой по сравнению с выживанием в постапокалиптическом мире. По крайней мере, здесь никто не устраивал кровавых

жертвоприношений — недовольные максимум пускали в ход кулаки.

Рабочий инвентарь выдавался со складов управы под строгую отчётность. Каждое утро десятники получали лопаты и кирки под расписку, а вечером сдавали обратно по счёту. За любой утеранный инструмент расплачивалась вся артель — монетой из общего кармана. Теперь же, с открытием рудников, систему наказаний можно было дополнить исправительными работами. Срок каторги определялся тяжестью проступка.

Цзян Умянь как раз вносил правки в проект уездного уложения, когда в кабинет ворвался запыхавшийся стражник.

— Господин уездный судья! — наперебой закричал тот. — Генерал Сюэ и советник Чжан умоляют вас срочно прибыть в лагерь!

Прибежавшим оказался Ли Е, один из пяти уцелевших стражников старой управы Шаоюаня. Последние недели он без усталости помогал Чжан Жуну обустраивать переселенцев. После создания строительных отрядов его назначили главным надзирателем над работами. Парень отличался редкой рассудительностью и никогда не позволил бы себе предстать перед начальством в растрёпанном виде. Судя по сбившейся шапке и распахнутому вороту, он мчался во весь дух.

— В лагере бунт! — выдохнул Ли Е, хватая ртом воздух. — Генерал Сюэ оцепил бунтовщиков войсками, а советник Чжан пытается утихомирить толпу. Меня послали за вами, господин!

Лицо Цзян Умяня мгновенно заледенело. Перехватив тяжёлый двуручный меч модао, он зашагал к выходу.

— Подстрекатели?

Полуденное солнце нещадно палило, и от бешеного бега можно было запросто получить тепловой удар. Но шагая следом за судьёй, Ли Е чувствовал, как по спине пробегает морозный озноб, словно его окатило ледяным ливнем. Сглотнув подступивший к горлу ком, стражник негромко доложил:

— Народу тьма скопилась, вот мутить воду и начали. Поговаривают, мол, раз они пострадавшие, управа обязана их кормить за так. А то, что в Шаоюане их заставляют спины гнуть за кусок хлеба — это чистый грабёж. Шепчутся, будто вы, господин судья, прибрали к рукам всю казну и припасы, что император выделил для их спасения.

Сделав мысленную пометку, Цзян Умянь миновал раскинувшийся у ворот лагерь строительных отрядов и вышел к передовой линии оцепления.

Уходя на север, главнокомандующий Бай Чухань оставил в распоряжении Сюэ Вэня тысячу

кавалеристов. Вместе со всеми обозниками под началом генерала находилось не менее полутора тысяч верных мечей. Сейчас все эти полторы тысячи воинов, ошетилившихся копьями и выставив стену тяжёлых щитов, сдерживали бушующую толпу бродяг. Хотя нет, «бродягами» этих людей назвать уже было нельзя — перед солдатами стояло разъярённое скопище бунтовщиков.

С того самого мига, как они поддались на лживые речи и подняли крик, эти люди перестали быть несчастными, незащищёнными жертвами стихии. Они превратились в безжалостную, ведомую слепой злобой стихию разрушения.

Стоило Цзян Умяню сойти с коня, как над лагерем разнёсся истошный, надорванный вопль:

— О боги праведные! Эти псы государевы жрут хлеб, возвращённый нашими руками, а нас самих гонят на каторгу, словно рабов бесправных! Где это видано? Где справедливость?!

Перед беснующейся толпой стоял вовсе не советник Чжан, а управляющий Лу Юй, за спиной которого сплотились несколько крепких десятников из строительных отрядов. Лицо Лу Юя пылало от гнева. Он кричал в ответ, перекрывая гул:

— Да государев обоз с провиантом ещё даже до границ префектуры не добрался! Наш судья из своего кармана лекарей нанимал, чтобы вас от хвори избавить! Он уездные закрома подчистую выгреб, дабы вы с голоду не передохли! А вы, неблагодарные твари, вместо спасибо грязью его поливаете?!

Цзян Умянь мысленно одобрил его напор. Чжан Жун быстро учился на ходу — умело распределял задачи и берёг силы. Судья удовлетворённо кивнул сам себе.

То, что на передовую выставили строителей, было верным шагом. Они сами ещё вчера были бездомными бродягами, их общая доля вызвала сочувствие и не порождала у бунтовщиков мгновенной слепой ненависти к «чиновникам». Живой пример стоял прямо перед ними. Бывшие доходяги, истощённые до костей, теперь выглядели крепкими, сытыми и уверенными в завтрашнем дне. Этот неоспоримый факт без лишних слов доказывал каждому сомневающемуся: управа Шаоюаня платит честно, а слово уездного судьи твердо как скала.

Подойдя ближе, Цзян Умянь услышал, как заговорила, стоя на коленях прямо перед импровизированным помостом, надрывно причитает:

— Запасной хлеб Шаоюаня?! Кого вы обмануть пытаетесь! Всем ведомо, что городские амбары сгорели дотла! Всё, что мы сейчас жрём и носим — это добро, которое этот судья наворовал при разграблении богатых усадеб! Тоже мне, благодетель выискался!

Ли Е в панике воззрился на своего господина. Обыватели могли верить в любые бредни, но чины управы прекрасно знали истинное положение дел с конфискацией имущества мятежных кланов.

— Господин, вы... — пролепетал стражник.

Цзян Умянь холодным взглядом окинул разыгрывавшееся действо. Крикун на коленях с виду ничем не отличался от прочих беженцев: то же тёмное от загара лицо, изборождённое глубокими морщинами. Вот только в его повадках не было ни капли привычной для бродяг покорности, робости или затаённого страха. Напротив, его так и трясло от неестественного возбуждения.

Стоя перед лицом ошестившейся железом полуторатысячной армии, он не выказывал ни тени испуга. Он вёл себя так, словно за его спиной стояла нерушимая стена.

— Господин судья!

— Цзян Умянь!

К нему поспешно пробились Чжан Жун и Сюэ Вэнь. Советник взмок от жары и буквально задыхался от негодования, а лицо генерала потемнело от ярости, в глазах застыла холодная решимость.

Цзян Умянь едва заметно кивнул им и бросил на ходу лишь пару слов:

— Я скоро вернусь.

Забыв о приличиях, Чжан Жун рванулся вперёд, пытаясь удержать его за рукав.

— Господин, стойте! Это же...

Он осёкся, но в глазах читался ужас. Идти в одиночку к обезумевшей толпе было чистейшим безумием! Если чернь бросится на него, солдаты просто не успеют пробиться сквозь живую стену без кровопролития!

Но уездный судья словно затылком почуял опасность. Он легко уклонился, смазав траекторию движения, и в несколько стремительных шагов пересёк цепь оцепления, растворяясь среди солдат у самого помоста.

Чжан Жун сжал кулаки так, что побелели костяшки.

"Это моя вина! Мой недосмотр! С какой стати господин должен расплачиваться за мои ошибки?!"

Он стиснул зубы. Да пусть их там хоть три тысячи! В конце концов, именно Цзян Умянь когда-

то вытащил его, полумёртвого, из горы разлагающихся трупов. Но стоило ему сделать шаг вслед за судьёй, как тяжёлая длань Сюэ Вэня легла ему на плечо, намертво пригвоздив к месту.

— Генерал Сюэ! — взмолился Чжан Жун.

Сюэ Вэнь даже не взглянул на него, его взор неотрывно следовал за удаляющейся фигурой в зелёном чиновничьем халате. Пальцы генерала до белизны сжали рукоять верного меча.

— Он — Цзян Умянь. Судья этого уезда.

Именно он принял решение пригреть эту прорву голодранцев. Он пообещал им кров, еду и серебро. А значит, и ответ держать тоже ему.

На левой руке генерала, сжимавшей ножны, вздулись жгуты синих вен.

"Цзян Умянь! Не приведи боги тебе сегодня погибнуть. Иначе твой бешеный Бай Чухань камня на камне не оставит от моей столичной резиденции!"

— Судья Цзян пришёл! — пронеслось по рядам.

Переругивавшиеся до этого строители и беженцы разом умолкли. Над лагерем пронёсся тихий, испуганный шепоток, который быстро сошёл на нет. Тысячи глаз устремились на приближающегося человека.

Цзян Умянь шёл с безупречной осанкой, не выказывая ни малейшего волнения. Его шаги были неторопливыми и размеренными. Когда он выступал здесь в прошлый раз, перед ним лежало море людского горя и отчаяния. Сегодня же ему предстояло столкнуться лицом к лицу с человеческой глупостью.

Коварные кукловоды умело бросили искру в сухую солому: пустили нелепый слух, приправили его полуправдой и сыграли на темноте и доверчивости забитого люда. Слухи летели быстрее ветра, и ложь мгновенно превратилась в истину.

Поднявшись на помост, он мысленно усмехнулся. В конце концов, борьба с наветами — это такое же жонглирование умами. Они с незримым противником сошлись на одном поле, пользуясь схожим оружием. Что ж, посмотрим, чьё искусство окажется тоньше.

— Вы думаете так же, как он? Считаете, что я присвоил предназначенное вам продовольствие? — голос Цзян Умяня прозвучал ровно, без тени угрозы или оправдания, но в повисшей тишине он показался столь ледяным, что удушливый зной Юга, казалось, на мгновение отступил.

Эти слова заставили толпу невольно попятиться.

Зачинщик стиснул зубы. В наступившей гробовой тишине он изо всех сил старался держать спину прямо, всем своим видом демонстрируя непоколебимую правоту. На самом же деле у него внутри всё похолодело, и он яростно ругался про себя:

"Сукины дети! Вы там померли все, что ли?! Почему молчите, где ваша поддержка?!"

И то правда — смутьян орудовал не в одиночку. В толпе скрывались ещё несколько десятков проплаченных негодяев, пробравшихся в лагерь с одной-единственной целью. Им велели раздуть бунт, очернить нового судью и вынудить его вернуть якобы присвоенное имущество.

Четыре знатных клана Шаоюаня годами безраздельно правили уездом. Сговорившись с прежним корыстолюбивым судьёй, они нажили колоссальные богатства на контрабанде и спекуляциях. Деньги текли в их сундуки полноводной рекой. Но в один миг всё рухнуло: имения опечатали, а самих заговорщиков бросили за решётку. И все эти несметные сокровища достались новому выскочке-судье!

Уцелевшие прихвостни кланов не поскупились на подкуп: пообещали зачинщикам горы золота, сытую жизнь и тёплые места управляющих в усадьбах, если те сумеют поднять чернь на бунт. Разве сравнятся такие посулы с каторжным трудом на залитых грязью полях за жалкую горсть медных монет? Да им даже угла приличного не давали!

Ослеплённые жадностью пособники один за другим начали выкрикивать из толпы, нагледя на глазах:

— Всё так! Из-за тебя, паршивый чинуша, моя матушка в канаве от голода преставилась!

— Бездушная тварь! И такой ещё смеет вершить суд!

— Кровопийца! Тварь неблагодарная!

Цзян Умянь холодно усмехнулся. Его голос зазвучал громче, разносясь над притихшим лагерем:

— Вы не здешние. Вы пришли на наши земли голодными и нагими, и именно уезд Шаоюань открыл перед вами свои закрома! Каждый медный грош, потраченный на ваше содержание, взят из казны уезда! Всё, что вы сейчас едите и во что одеваетесь, оплачено из карманов простых жителей Шаоюаня! Даже я, ваш судья, премного благодарен местным жителям за их щедрость. Вы же, распаляемые ненасытной жадностью, смеете требовать большего от уезда, который вообще не обязан был брать на себя бремя вашего спасения! Неужели статус беженца дарует вам право забыть о стыде, воровать и грабить тех, кто протянул вам руку помощи? Неужели вы решили, что чужое милосердие — это их священный долг перед вами?!

Он сделал короткую паузу, позволяя словам проникнуть в сознание людей, а затем продолжил:

— Обычный крестьянин знает: коли сосед поделился с тобой пучком зелени, прикрой его нужду горстью бобов. Жители Шаоюаня спасли вас от лютой смерти, поделившись последним кровом. А вы в ответ лезете к ним в миски и заявляете, что они вам по жизни обязаны! Скажите мне: люди вы после этого или скоты неразумные?!

В толпе пробежал неровный гул, многие беженцы стыдливо опустили головы. Цзян Умянь обвёл их ледяным взглядом и повторил:

— Ну так что? Вы до сих пор считаете, что правы?

Его взор скользнул мимо кучки зачинщиков и устремился в самую гущу притихших людей.

Толпа дрогнула и начала пятиться. На лицах людей читались страх и мольба. Кто-то из задних рядов не выдержал давления и тяжело опустился на колени, склонив голову перед помостом. Этот жест, словно круги по воде, разошёлся по всему лагерю. Один за другим бродяги падали ниц, и вскоре уже сотни голосов слились в единый жалобный стон:

— Помилуйте, господин судья! Пощадите!

В толпе личная воля угасает, уступая место стадному чувству. Стоит одному подстрекателю выкрикнуть броскую глупость — и робкий ропот мгновенно превращается в грозный рёв бунта. Но стоило Цзян Умяню слегка охладить их пыл суровым словом и заставить задуматься о последствиях, как пелена безумия спала. Обманутые бедолаги один за другим начали приходить в себя.

Разумеется, оставались и те, кому отступить было некуда. Они ожесточённо сжимали кулаки, готовые биться до последнего бок о бок с зачинщиками. Но это были лишь жалкие конвульсии обречённых тварей.

Едва толпа разделилась, Цзян Умянь сделал короткий жест рукой. Генерал Сюэ Вэнь мгновенно отдал приказ, и плотные шеренги солдат вклинились в толпу, намертво отсекая бунтовщиков от испуганного послушного большинства.

Смутянов повалили на землю, бесцеремонно заткнули им рты тряпками и поволокли в уездную тюрьму. Их участь решится после дознания.

Оставшиеся беженцы застыли на коленях, мелко дрожа и беззвучно бясь лбами о сухую пыль. Недели скитаний лишили их последних сил, а палящее солнце иссушило тела так, что плакать им было нечем. Из их пересохших глоток вырывался лишь сиплый хрип. Вот они — настоящие, раздавленные горем скитальцы.

Полдень вошёл в полную силу. Воздух раскалился добела, превращая долину в гигантскую жаровню. Распластанные на обжигающей земле люди заклинали судью лишь об одном — позволить им выжить.

Цзян Умянь неторопливо прошёл сквозь строй стражников и остановился прямо перед коленопреклонённой толпой.

— Я верю, что вы поддались на лживые уговоры из-за своей темноты и нужды.

Кое-кто из бродяг робко приподнял голову, не веря своим ушам. Неужели после всего устроенного ими непотребства уездный судья готов проявить к ним снисхождение?

— Я уже говорил однажды: пусть вы и не уроженцы Шаоюаня, но все вы — подданные Великой Чжоу. И я, как уездный судья, не допущу вашей голодной смерти. — Тон Цзян Умяня внезапно сделался суровым, стальным. — Но запомните! Сегодняшний мятеж — это преступление, и кара за него неизбежна! Отныне вы будете отрабатывать свой грех в строительных отрядах. Жизнь за жизнь, труд за милость. Денег вы не получите. Награда за вашу покорность — трёхразовое питание. И только!

С этими словами он окинул притихшую толпу тяжёлым, властным взглядом, не терпящим возражений.

Постигая смысл услышанного, несчастные один за другим поднимали затуманенные взоры. Сквозь зыбкое марево летнего зноя они видели статную фигуру своего заступника. Светло-зелёные одежды уездного судьи колыхались на ветру, и сам он казался одиноким стеблем нерушимого зелёного бамбука посреди выжженной пустыни.

Многие из стоявших там едва держались на ногах от удушающего зноя, но этот величественный образ запечатлелся в их памяти до конца дней. Даже испуская последний вздох на закате жизни, они со слабой улыбкой будут вспоминать тот душный день, когда великий человек подарил им надежду на спасение.

Из сотен охрипших, иссушенных жаждой глоток вырвался дружный, благоговейный выдох:

— Славься, господин уездный судья! Премного благодарны!

Этот тихий поначалу ропот ширился, пока не превратился в могучий гул, сотрясший окрестные холмы.

Стоявший поодаль Чжан Жун облегчённо перевёл дух. На душе у него было горько и в то же время невероятно радостно. Ведь он и сам когда-то стоял на пороге могилы, пока крепкая рука господина не вернула его к жизни. С того самого дня он поклялся верой и правдой служить Цзян Умяню до гробовой доски.

Напряжение отпустило Сюэ Вэня, и его ладонь наконец соскользнула с рукояти клинка. Генерал мысленно усмехнулся: Цзян Умянь остался верен себе. А его столичная резиденция, хвала богам, уцелела.

<http://bllate.org/book/19045/1922473>